

# Опера — его жизнь

**В** АКТЕРСКИХ биографиях нередко встречаются спектакли, после которых как бы заново начинается отсчет времени, открываются новые грани дарования, полнее видятся собственные возможности. Для лауреата Всесоюзного конкурса вокалистов имени М. Глинки Михаила Ивановича Кита такой встречей стало участие в опере композитора Виталия Губаренко «Нежность». Откровение было тем более неожиданным и необычным, что в этом спектакле для певца, уже имевшего за плечами такие партии, как Гремин, Филипп II, Рене, предстояло создать сценический образ, где не было вокальной партии.

Но это были лишь подступы к давней мечте молодого солиста — партии царя Бориса в «Борисе Годунове» М. Мусоргского. Зато и дебют в этой опере пытливого и увлеченного творческими поисками певца определенно обещал быть этапным в его биографии и привлек внимание зрителей.

Уже первое появление царя в сцене коронации в Кремле раскрывает перед нами личность сложную, блестяще умеющую подчинять ход событий своим честолюбивым планам.

Сколько споров и сомнений на репетициях скрыто за этим коротким началом сценической жизни царя. Долгие беседы с режиссером Л. Куколевым помогли почувствовать «аромат» эпохи, понять внутренние мотивы поведения Бориса, чувствующего шаткость своего мнимого величия.

Не только усталость от интриг и тайных злодейств звучит в знаменитом монологе «Скорбит душа» — в нем плохо скрытая неуверенность в законности своей власти. И в то же время профессиональная привычка изощренного дипломата заставляет царя беспрерывно недоверчиво скользить взглядом по лицам окружающих, взвешивать, оценивать, анализировать ситуацию. Вместо желанного триумфа Борис ощущает глубокую внутреннюю опустошенность и страх. Зароненная в душу искра сомнения вот-вот обернется пламенем разбухенной совести. Теперь эта невыносимая мысль будет неотступно преследовать самодержца, поглощая его силы и волю...

М. Кит постепенно сбрасывает с Бориса все его личины, панический животный страх преследует царя: судорожным взмахом руки он гасит свечу, чтобы «не видеть», ослепнуть физически, не оглядываться на свое прошлое.

Он катается в иступлении по полу, желая погасить вспыхнувший свет совести, полыхающий жарким костром правого суда в его груди.

Для Кита важнее подчеркнуть прежде всего духовную гибель Бориса, ужас безвыходности, отчаяние от непоправимости совершенного в жизни.

Так певец воссоздает картину нравственного крушения идей, возведенных Борисом в ранг государственной политики.

Иные краски находит молодой исполнитель, когда речь идет о Борисе-отце. Его боль, пожалуй, здесь во многом сродни переживаниям короля Рене из оперы П. Чайковского «Иоланта». Так возникает сложный, противоречивый образ царя — жертвы последствий его же преступлений.

Совсем недавно певец выступил в новой партии дона Базилио в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник». И опять неустанный поиск средств выразительности, точности фразировки.

Мало кто знает из зрителей, что на дебюте, всегда волнуются многие люди, чьи усилиями рождалась партия, обретала, так сказать, и плоть, и кровь. Один из них за дирижерским пультом, как добрый поводырь и друг, смело ведет певца по «горам и долам» партитуры, помогая правильно распределить силы, преодолеть трудности, раскрыть замысел композитора.

У оперного жанра немало недругов, предрекающих ему скорую кончину. Когда они случайно попадают на спектакли, особенно радостно услышать признание таланта и мастерства молодого певца из этих скептических уст: «А у вас здорово поет Кит!».

Сам Михаил Иванович, слыша «веские» замечания нелюбителей оперы, спокойно возражает: «Я вас понимаю, было время, я тоже выключал радио, лишь заслышав оперное пение. В юности мне, детдомовцу, никто не объяснял, что есть музыка, которую, чтобы постичь, надо слушать внимательно и неоднократно». Для его эстрадных выступлений характерен очень тщательный отбор репертуара. Поет он только то, что созвучно сердцу. Даже песни в его исполнении превращаются в маленькие баллады, истории с началом, кульминацией и развязкой.

Еще многое в творческих планах не определилось, требует раздумий и неустанного труда, но многое уже сделано, приносит творческое удовлетворение, пробуждает мысли к дальнейшему поиску.

«Хорошая работа», 1977, 7 июля